

пер. № 231
1928

ПЧ
ЧД
1925
рн. 2

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ

ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА
КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ

1925

КНИГА ВТОРАЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЧАСТУШКИ.

А. М. Смирнов - Кутаческий.

I. Частушка в смене орудий производства.

Откуда пошла частушка? — Узнать причину явления значит найти пути к его пониманию. А частушка, при всей своей простоте, тонка и многогранна.

Как явление массовой жизни, стихийно захватившее всю территорию РСФСР, она связана с общим укладом нашей хозяйственной жизни и быта. Сейчас частушка разлилась как море. В ближайших же своих корнях она протягивает нити к все более обозначающемуся перелому нашего хозяйственного строя жизни. От земледелия — к фабрике, от безотчетных стихий — к индивидуализации, от патриархального быта — к новой культуре. Не напрасно частушка так широко разлилась в пору диктатуры пролетариата. Еще Григорович ухарскую разгульную частушечного типа песню связывал с фабрикой. Частушку встречали недружелюбно. С грустью об ней говорит Г. Успенский в статье «Новые народные стишки», как о поэзии переходного времени. Для него частушка — деревенская песня, хотя он говорит, что «какой-нибудь новой песни, которая бы вышла непосредственно из земледельческой среды, он не слышал»; но те песни, которые он приводит как песни рабочих, в сущности — частушки.

Нет, ребятушки, трудней
Как работа шахтарей:
Шахтер рубит, шахтер бьет,
Под землею ход ведет.

С кабака ползет детина,
Как лягушечка гола...
Ой, гола, гола, гола,
В чем мамаша родила.

Действительно, родина частушки — фабрика, и весь процесс формирования и распространения ее стоит в связи с ростом у нас машинного производства. Вместо широко-раздельного приволья полей и лугов,

русский человек очутился у фабричного станка, среди ритмического стука машин, мелькания членоков, лязганья ремней. Весь его психический мир оказался схваченным, поглощенным этим ритмичным рабочим шумом, в силу чего его звуковой строй должен подчиниться равномерному машинному темпу. Сама механизация работы, вплоть до тейлоризации, требует этого. Бюхер в обстоятельном исследовании «Работа и ритм» доказывает, что народная песня произошла из рабочего ритма. Массой примеров из жизни первобытных народов и позднего времени он иллюстрирует, как музыкальный тон орудий производства вызывал соответствующие звуки у человека. Работы были преимущественно ручные, и каждая имела свою песню. Ритмичный стук при работе формировал психическую энергию и, вызывая эмоции, воплощенные в песне, облегчал однообразие работы, да и самую работу. Нечто подобное осталось в нашей «Дубинушке» или теперь ставшей игровой «Уж я сеяла, сеяла ленок». Частушка по своему музыкальному складу вся насыщена фабричным ритмом. Ее четко выраженный размер — хорей или ямб, без безголосого пиррихия — как нельзя больше соответствует четкому ритму фабричного станка.

При царе, при Николашке, ели пряники, барабашки...
Та-та, та-та, та-та, та-та, та-та...

Самый четырехстопный размер стиха, замкнутый в четверостишии, придал частушке чеканную отчетливость. При всех музыкальных вариациях, в сущности частушки или «тарантушки», как их местами называют («Этногр. Обозрн.» 1899, № 1—2), все в одном темпе. Они частят, как равномерные непрерывные стуки у Гужона ли на фабрике или в маленькой мастерской. Конечно, все это не в том смысле, что частушка поется среди самой фабричной работы, что, впрочем, в иных условиях, вполне возможно; нет, длительный рабочий день, весь заполненный ритмичными стуками, так настраивает психику рабочего, что они выносятся вон, за пределы фабрики. Звуки звучат в ушах неотступно, навязчиво и невольно выпиваются в соответствующего ритма песне. Стоит прислушаться, темп среднего русского производства, конечно, не больших заграничных трансмиссий — типичен для рядовых наших фабричных установок. Его мы услышим в бегущем поезде, в хлопанье парохода, на телеграфной станции.

Ты, машина, кругом, кругом;
Расстаюсь я с милым другом.

Ты, машина, свистом, свистом,
Расстаюсь я с коммунистом...

Пароход бежит, Анюта,
На нем розова каюта...

Ты, машина, ты, машина,
Ты куда торопишься (Р. Яросл.).

Интересно в этом отношении сравнить частушку с старой, так называемой, длинной народной песней. Своим патриархальным укладом,

натуральным хозяйством, самой медлительностью темпа, как вся эта жизнь, а вслед за ней и песня далеки были от современного частушечного ритма. Вспомним эти длинные вечера, за работой с лучиной: сердце болит у снохи от застарелой безысходной сбиды, и вот тянется заунывная тягучая песня:

Лучина, моя лучинушка, березовая,
Что же ты, моя лучинушка, не жарко горишь?
Или ты, моя лучинушка, в печи не была?
Лютая свекровушка в печку лазила,
Меня, горькую лучинушку, всеё залила...

Или другое — однообразный русский пейзаж, наше широкое раздольице, «дичь и глупь», по выражению Гоголя; одинокий путник на проселке, и начинается с бесконечными переливами:

Ах, не одна то ль, не одна во поле дороженька одна пролегала,
Она ельничком, мелким березничком она заастала,
Уж и частым ли, частым горьким осинничком ее застилало...

Такие широко-раздольные, разливистые песни могли сложиться лишь в условиях первобытного хозяйственного уклада: необъятность пространств, редкость населения, примитивность орудий производства, отсутствие живого людского взаимообщения — вырабатывали медлительность темпа жизни. Там где-то «кипела, торопилась, грохотала жизнь; здесь она текла неслышно, как вода по болотным травам», пишет Тургенев. Но вот внедряется капиталистический строй, новые орудия производства в условиях городской жизни создают более напряженный темп, и разбуженная, встряхнутая от сна личность в среде молодежи откликается бойкой частушкой:

Девки, ой, ребята, ой
Уезжает милый мой...

Я гуляю, как разбойник,
Я помру, как сукин сын,
По мне девки не потужат,
Бабы скажут: леший с ним.

Паровоз, паровоз
Полетел, как птичка,
Мой муж спекулянт,
А я спекуличка...

II. Частушка — показатель социального кризиса.

Недаром Г. Успенский считал частушку песней переходного времени. Новые экономические условия, в обстановке капиталистического хозяйства, меняют быт и нравы. Нахлынувшие понятия, вместе с новыми хозяйственными отношениями, становятся в противоречие с старым. Примитивный ум не в силах разобраться в путанице жизни

Напишу я целый лист
Про свою несчастную жизнь...

пишет одна своему милому (Е. 2548). Теперь все не удовлетворяет. В старый домостроевский быт пахнуло свободой. Прочь от религиозных традиций:

Меня маменька ругала,
Что я в церковь не хожу:
Балалайка заиграла,
Я на улице пляшу (Моск. г.).

Раздражает экономическое неравенство:

У меня богатство есть,
Только нечего мне есть.

Погодите, богачи,
Будет воля наша.

Бессильный понять всю сложность современной экономики, деревенский ум в недоумении не знает, чему приписать свою бедность, и вслед Руссо готов винить культуру:

Самовары, самовары,
Самовары медные,
Не от вас ли, самовары,
Стали люди бедные!..

Все старое противно:

На беседы не пускают,
Девки воли не дают...

Да и новое не по сердцу:

Как за нашим за двором белые каменья,
Парень девицу ударили: девица в правленье... (З.184).

Вырабатывается острое, сатирическое отношение ко всему.

Частушка становится занозистой, дразнящей, ядовитой. От ее наблюдательности не скроется ни один изъян жизни. В каждую бочку от нее гвоздь. И под оглушающий рев гармоники в ней нередко скользнет горькая молчаливая правда. Особенно богато и разносторонне это критическое отношение обнаруживается в оценке семейно-бытовых отношений. И понятно. Ведь, здесь, в этом маленьком социальном мире, кризис на почве старых традиций и новых форм чувствуется острее и напряженнее. Здесь все подвергнуто критике. Вот жена о муже:

Мой муж водовоз,
Поехал на речку.
Кабы, бог дал, утоп,
Поставила бы свечку.

Или:

Шла я полом-колидором,
Полсаложкам грохала —
Вышла замуж за урода,
Целый век проохала. (Твер. г.).

Всего больше взвинчена молодежь. Тут оттенки всевозможных настроений. И нет воли:

Ох, лапти мои,
Новые оборки:
Хочу — дома я ночую.
Хочу — у Ягорки (Е. 4169).

И домостроевский уклад:

Меня дома запирают от милого на ключи;
Веселее гулять буду, если станут стеречи.

И угроза:

Тятьке с мамкой досажу:
Сама к Троице рожу...

И комедия на всю деревню:

Тятька с маткой с уговору
Меня ладили набить.
Я бежала по сараю,
Вот те бог — не догонить!

Частушка смеется над всем. Ее задиристое, колючее остреецепляется за каждую шероховатость жизни. Она не щадит, что говорится ни матери, ни отца. Даже самого себя можно высмеять под горячую руку

Мой муж — арбуз,
А я его дыня:
Он побил меня вчера,
А я его ныне.

Даже самые интимные, дорогие чувства, быть может, питающие тайную жизнь сердца, слабриваются в частушке изрядной дозой сатирической соли:

Когда миленький идет, всем становится обидно:
Чрез его горбатый нос ничего не видно.

Или:

У сарай стоят стоги — у миленка кривы ноги.
Кабы серые глаза — настоящая коза (Новг. г.).

Или еще лучше:

Две березки расцвели, третья раскудрявилась,
Я сама себе дивлюсь: кака дрянь понравилась

Все это, собственно говоря, даже нельзя назвать сатирой.

Ведь сатира предполагает известный общественный идеал, с точки зрения которого она оценивает жизнь. У ней есть объект, служащий мерилом действительности. Так было у Аристофана, у Мольера, у Гоголя. В этом отношении частушка, как французское *Fableux*, совершенно беспринципна. Ей все равно. Она подденет на смех кого угодно. Нынче она смеется над одним, завтра над другим, совсем противоположным. В ней больше насмешки, чем сатиры. При социальном кризисе так и должно быть. Нет определенности, нет прочных, ясных убеждений. Быт

расплаивается; противоречия обнажаются перед сознанием; обнаруживающиеся трещины выступают как несообразности, и частушка метко подчеркивает каждый диссонанс жизни.

Все это резче обнаруживается, когда темп жизни быстрее, когда осмыслить, что красиво, что плохо, где кривда, где правда. Такой момент переживала наша частушка в дни революции. От нее доставалось всему и всем без разбору. Здесь частушка могла впитать в себя все едкое, злое, даже клеветническое, явно вышедшее из контрреволюционных кругов, что порождала тогдашняя тревожная жизнь.

Частушка отделяет всех: и коммунистов, и белогвардейцев, и спекулянтов, и дезертиров.

Коммунист молодой, в руку раненый,
На базаре торговал рыбой вяленой.

Пароход идет, вода кольцами,
Будем рыбу кормить добровольцами.

Или:

На сосне на макушке дезертир качается.
Посмотрите, коммунисты, он от вас скрывается.

Кама-матушка река — бей по роже Колчака...

И рядом же:

Кама, Кама водяниста — бей по роже коммуниста.

А то и такой приговор над всем:

Нет коровки на загоне,
Нет телушки на дворе:
Потонула в самогоне
Наша Ресефесере (Яросл. г.)

Словом, в личных отношениях все перемешалось:
он:

Моя милка баба — во!
Всем первостатейная,
Очень даже ничего,
Только беспартийная.

а она:

Коммунистов не любила,
Всю коммунию кляла,
А сама себе милова
Коммуниста завела (Яросл. г.).

Приведенные частушки показывают, что в них нет, в сущности, никакой политической определенности. Их трудно отнести даже к каким-либо социальным группировкам. Здесь одна эмоциональность, вместо ясных, точных понятий. Раздраженное чувство, остроподмеченный факт растворяется в зубоскальстве, в конечном результате не чуждом безразличия.

Спекулянтики спекулируют,
А Советская власть реквизирует.

Частушка — это современный деревенский юмор. Избыток жизненных сил молодежи вырывается в жгучих искорках смеха; социальный кризис со всеми нюансами противоречий разрешается в остроумном слове или образе.

Быстрая, задорная, нервная, как вся наша эпоха, подчас нахальная частушка сейчас искрится по всей России. Сатирический дух, ее создавший, и ненасытимое пока острое словие ослабают по мере изживания кризиса. Частушку убьет прогресс жизни: выравнивание хозяйственных отношений, ясность понятий, ставших убеждениями, школа, книга и общая культурность жизни. Но пока мы в полосе кризиса — и отому долго еще мы в потоках колючей сатиры частушек.

III. Частушка — наследие удалого песенного мотива.

Мы так привыкли считать, что главный мотив нашей народной поэзии — грусть. «Печалию согрета поэзия и наших дев, и наших муз» (Пушкин). Для нас как-то исчезает тот порыв удали и разгулья, которые были реакцией безысходной грусти от всякой недоли. А, между тем, этот бурный порыв сил, взмет страстных чувств, давший разиновщину и пугачевщину, имеет в народной песне характерное выражение — свое содержание и стиль. Содержание — по преимуществу трагическое. Это не просто:

А мы пить будем и гулять будем,
Когда смерть придет, умирать будем.

Или:

Мы фабричные ребята, у нас кудри кудреваты
Есть.

Мы затем кудри кудрили, чтобы девушки любили
Нас.

Целовальника по уху: не люби напшу Настюху
Раз!..

Здесь мрачное раздумье о том, куда завела «добра молодца прыткость-бойкость молодецкая и хмелинушка кабацкая», зачем мать не в пору породила, когда впереди для молодца или «каменны палаты» — тюрьма, или «хоромы высокие — два столба с перекладиной», или свадьба, где «дружка и свашка (на Козьем болоте) — топорик и плашка». Этот трагический исход переживаемого мрачного настроения облекся для доброго молодца в образ какого-то рока. Горе горькое — вот его спутник, которого он хочет отбросить в страстном порыве. «А и в горе быть — не кручину быть, нагому ходить — не стыдитися», старается убедить себя наш герой. Есть и чисто удалые, разгульные мотивы:

Отрубили губернатору буйну голову еще...
Ты добре ли, губернатор, к нам строгой был...
Ох, ты бил нас, губил, много в ссылку посыпал,
Ох, ты жен наших, детей на воротах расстрелял...

Тут и безоглядная удалы и бесшабашное веселье, переходящее в ритмический, плясовый каданс.

Вот этот мотив удали старой разбойниччьей песни и впитала в себя современная частушка. В той группе их, которая принадлежит парням, он звучит буйно, с задором. Пред нами и индивидуальное баухальство:

Я отчаянна башка, не хожу без камешка,
Меня в остроге ожидают: шьют рубашку из мешка.

Я отчаянny родился и ничем не дорожу;
Матка рыло мне своротит, я корчагу привяжу (Т. Яросл. г.).

Или разгулье целой ватаги:

Мы, ребята, ежики: у нас в карманах ножики,
Четыре гири на весу, пистолет на поясу.

Иногда здесь просто озорство, вроде того:

По деревне пройдем, что-нибудь да сделаем:
Дров поленицу разроем или девок уведем.

Даже, когда говорит о себе один из таких молодцов:

Проломили мне голову в семнадцати местах...
кажется больше хвастовством, чем правдой.

А в действительности:

Говорят, что я мазурек,
Всей деревне надоел;
Повели меня в солдаты,
И теленок заревел (Т. Яросл. г.).

Впрочем, иногда встречаются переживания в духе старины:

Хоть в кармане ни гроша,
Да свобода хороша.

Сжато и выразительно; так же, как и там, в формуле резкого контраста. Главное же родство частушки с стариной в терпкой иронии, в которой растворяется внутренняя горечь. Любимый здесь мотив — наподобие старинных прибауток: «от наготы да босоты подломилишь шесты, рогатая-то скотина — таракан да жужелица, а медная-то посуда — крест да пуговица». Таких оборотов, касающихся преимущественно богатства, счастья, судьбы, насыщенных сознанием недоступности всех этих благ и удалым к ним пренебрежением, особенно много в частушках. Размахом резкого контраста, беспощадной иронией над собой, сплеча, словно крепким словом, отмахнувшись от всего, хочется сорвать обиду, хоть злостью утолить сердце:

Что нам, что нам не форсить, что нам не бахвалиться:
У отца одна овца — по ляжке достанется (Новгор. г.).

Сорок лет — коровы нет, на масло отрыгается;
На дворе один петух с курочкой лягается (Новгор. г.).

Берегись, богачи: беднота гуляет.
Не уважу богачу: прямо в морду закачу (З. 283).

Но в общем, являясь в тональности, в широкой размашистости, в удали наследием старой разбойниччьей песни, частушка потеряла самый

живой нерв последней — трагичность. Она — мельче, легковеснее; в ней больше озорства, чем силы; нет — ни житейских серьезных осложнений, ни глубины переживаний; просто разгулье молодых сил. Да и понятно. Ведь частушка — песня молодежи. В деревенской малокультурной обстановке, полная бродячих сил, она проявляет их демонстративно, вызывающе.

Когда такая ватага парней с гармоникой, с присвистом, с хлестким перебором частушек, бросая ядовитые куплеты направо и налево, с примесью похабщины, идет по деревне, степенный обыватель пугается и клянет распущенность нравов. В газетах пишут об «Одичании деревни», о хулиганстве современных Васек Буслаевых («Ярославские Зарницы», № 10). Но, несомненный факт, традиция старой разбойниччьей песни питает частушку, давая исход бурливому молодому настроению. В радикализме ее общего тона частушка нашла ту форму, где мог наиболее свободно развернуться ее резкий критицизм. Самый размер частушки, сжатый, афористичный, подходит к ее удалому тону.

Еще любопытный факт. Шальной, но не трагический мотив удали частушки заразил женскую песню. Можем ли мы себе представить удалой разбойничий тон в старых женских песнях. Там вся трагедия женской доли изливалась в тоске, в интимной, замкнутой грусти. В частушках творчество женское идет в уровень с мужским. Женская личность уже не замирает в тупой покорности судьбе, а революционно протестует. Этот ее протест выступает во множестве эпизодов, освещенных ухарской частушкой. Девица заявляет свою волю. Дерзко демонстративно разрывается она все путы, смеясь над самыми, казалось, незыблемыми понятиями. Порой она все готова поставить на карту:

Ой, ой, под ногой золотая рыбка;
До чего я догулялась: скоро будет зыбка.

Даже — любовь:

Девки ой, ребята ой, митый умирает;
Я хотела горевать, смех одолевает (Вятск. г.).

Особенно резкий боевой тон в отношении к родным:

Тятька, мамка, не перечь: разворочаю я печь,
Разворочу по кирпичу, сама в окошко выскочу (Тверск. г.).

Или:

Сошью платье бардовое, сама стану под венец;
Не с помыслым поставите, с головы сшибу венец

То же самое в семейных отношениях замужней

Мой муж пьяница, а я его люже:
Семьсот пропила, сказала на мужа.

Особенно разухабистый тон шуток в частушках в отношении к милому. Тут всякие вариации, вроде:

Милый мой на Волге плавал, утонул, паршивый дьявол,
Пускай топет, сатана, не хай он девушку меня (Тверск. г.).

Или:

На столе стоит подсвечник — мой-от миленький наемщик,
Ему раньше был почет, а теперь — паршивый чорт (Иван.-Воин.).

Или:

Моего-то кавалера — унеси его, холера,
От земли до небеси хорошенко потряси (Арханг. г.).

И всем парням отпор:

Капуска моя, мелко рубленая,
Шантрапа, не подходи: Лиза пудреная (Т. Яросл. г.).

Таких любезностей по частушкам можно бы приводить без конца. Все они характеризуют общий уклон частушки — вульгарную размашистость стиля. В порывах свободы красная девица бравирует всем своим поведением. Набравшись молодчества и ухарства, она как будто издевается над своей былой скромностью. Удалой, бесшабашный тон частушки, при ее простоте и доступности, в общий тон мужской молодежи, является для нее самым восприимчивым материалом.

IV. СКОМОРОШЬЯ СТАРИНА В ЧАСТУШКЕ.

В Тамбовской губернии частушки называются «скоморошими» песнями, «прибаутками» или «прибасками». Это очень характерно. Частушка полна веселости, вся брызжет порывистостью движений; в ней нет ни тени обряда, ни замкнутости унылых настроений. Красноречивы и другие названия: ихахошки.

Я сыграю ихахошки под милашкины гармошки (Курск. г. Е. 348).

Ох, хо, и — ха-ха, чэм я девочка плоха (Курск. г. Е. 352).

Здесь все полно веселья, смеха и забавы. Словно на свадьбе или на хмельном празднике. В старину это веселье не обходилось без скомороха. Целыми ватагами бродили эти «веселые люди» с праздника на праздник, от одних богатых хором в другие, всегда желанные, интересные. Вот как птица XVIII века описывает весенний праздник завивания березки с участием скомороха:

Березка шествует в различных лоскутках,
В тафте и бархате и в шелковых платках.
Вина не пьет она, однако пляшет,
И, ветвями тряся, так, как руками, машет.
Пред нею скоморох, неправильно кричит,
Ногами землю он, как добрый конь, стучит.
Танцует и пылит и грязь ногами месит,
Доколе хмель его совсем не перевесит (Е. Анчиков, Весенняя обрядовая песня, 141 стр.).

Или вот старинная песня рассказывает о вдовушке, выбирающей из всех претендентов скомороха:

Я ли, не я ли скоморохова жена,
Выду ль я на улицу, мне честь и хвала.

К сожалению, у нас не сохранилось в чистом виде скоморошьей поэзии. Наука пытается ее вскрыть в отдельных сюжетах типа новелл, в исторических песнях, в свадебных прибаутках. Скоморохи на все клали отпечаток своего пьяного, распущенного, безудержного веселья, приделывая, напр., к трогательному зачину былины о туре неподходящий сюжет о Ваське-пьянице. Но чем особенно характерна скоморошья песня — это плясовым мотивом и прибаутками. Песня о свадьбе Ивана Грозного на Марье Темрюковне, даже в позднейшей ее передаче Кривополеновой, звучит веселым, задорным плясом, питаемая самым сюжетом плясового состязания.

Они сватались, сваталисе,
По рукам они ударилисе,
Да слово на слово положилисе...
Собирался наш царь государь
За столы те за дубовые,
Да за яства за сахарные,
Да за напиточки стояльые...
Пировал, жировал государь
Д царь Иван Васильевич...
Кострюк поскакивае,
Кострюк поплясывае («Бабушкины старины», 88 стр.).

Современная частушка, храня через свадьбы, а особенно чрез ее дружек и поезжак, старую скоморошью традицию, это угарное веселье развернуло в необычайно широком масштабе. Плясовый мотив частушки как в хореографических формах, в способах его проведения, так и в словесной фразировке столь разнообразен и стилен, что заслуживает серьезного внимания и изучения. Частушка, можно сказать, рождается в пляске. За отсутствием балалайки и гармошки она служит музыкой. В хмелю плясового настроения частушки сыплются горохом.

Пляска неудержимая, стремительная:

Эх, ноженьки, из дороженьки, гулять пришли, плясать пошли.

Прямо с улицы в пляс.

Раскаку, каку, каку, на каку нарвался:
Три раза поцеловал, весь переблевался...

Вы чувствуете вбегание в плясовой круг, а дальше уж вакхическое:

Не сама я пляшу — меня черти носят (Новг. г. Е. 82).

Пойду плясать
Выше переборки —
Пускай говорят
Бабы тараторки (Т. Яросл. г.).

Частушка конструирует движения пляски. То она в одном па:

Пойдем, подружка, в полюшко, найдем гусино перышко;
Мы на это перышко складем тоску и горюшко (Новг. г.).

то в переменном:

Миленьевский, кудрявенький, купи канфетку с баренькой;
Ты не дорого давай, свой патретик выбирай (Моск. г. Е. 100).

В типах плясовых движений здесь много вариаций. Иногда они в стиле старого камаринского:

Ах ты, сукин сын, камаринский мужик...
Мой-от миленевский хороши-таки, хороши:
Он не ходит без резиновых калош,
У него калоши модиенелькие,
Страсть баские, переводчица (Львов И. 22).

То в виде сжатого частого темпа:

Семьсот папирос — накуриться можно:
Мое-т милый без калош, наглядящца можно (Вят. г., 3).

Пускай говорят, что я похудела,
Полюбить гармониста такое бы дело (Моск. г. Е. 104).

То с переходами от сжатого первого стиха (анапеста) к широкому, многостопному ямбу:

Под окном распашу, березку с елкой посаджу,
Березка с елкой будет рось, меня, милая, не брось (Моск. г. Е. 103).

Переход особенно красивый. Здесь играет большую роль ударный момент стиха:

Я косила белоус, косенку бросила под кус...

Это как в предыдущих стихах, но в дальнейших стихах ударение меняется:

Оселочку под елочку,
Сама пойду к миленочку (Новг. г. Е. 53).

Платок белый полотняный разорвал милашка пьяный,
Разорвал и каётся, трезвый насмехается (Арх. г. Е. 7).

Здесь всюду ударное *a*, но характер ударности его различен, благодаря чему создается разнообразие движения. Повторяю, плясовый мотив частушки разнообразен. В индивидуальных оттенках отдельных исполнений он имеет много тонкостей. В хореографическом и музыкально-стилистическом отношении он заслуживает серьезного внимания, особенно в практическом изучении самого живого плясового действия. Сейчас в моде танец «рязаночка». Плящущие выходят в середину комнаты, плящут под частушки, язвительное содержание которых направлено на сидящих по стенам. Обычно же плясовое выражение частушек свободно; любая группа их может вызвать пляску.

Другое наследие старинной скоморошьей песни — прибаучный характер частушек. Недаром их называют прибасками, присказенками. Для пения частушек в народе есть даже особый термин — «наскаживать». В бойком переливе, в нанизывании непрерывной цепи стишков, метких и быстрых, — вся художественная изобретательность и талантливость их авторов. Все это так памятно нашей деревне по балагурным скоморошьим сказкам и особенно по свадебным причетам. Такие популярные сказки, как «Не любо — не слушай», «Про Фому про Ерему», «О глупых

людях» да и многие другого содержания полны этого легкого юмора и острого слова. Много его в присказках, в прибаутках, в своеобразном стиле самой устной передачи. На свадьбах роль веселых скоморохов заменили особые специалисты, ведущие весь ритуал свадебного дела. Это по большей части краснобаи, говоруны, острословы. Бойкой, рифмованной речью с меткими словечками, с остроумными прибаутками они поддерживают общее веселье. «Мир — народ, стары, малы, читаем мы в старом описании свадьбы, усаты, бородаты, холосты, неженаты, стрельцы, борцы, кулачные бойцы, молодые молодицы, сизые голубицы, красные девицы, брови щипаны, рожи мазаны, носы тянуты... все гости полуслезные, благословляйте меня, подъезжева дружку... в путь ехать»... Это начало, а вот дальше его угощение: «Ах, пивцо, как суслице. Из чащечки три бочечки, в устах примочите, губы слепаются, ноги подгибаются, на землю кружит, сечь спать валит: кто винца изопьет, того с ног сшибет» (А. Кузнецков, «Свадебные причеты»).

Такого же типа балагурная речь в наших частушках. Она дает лишнюю иллюстрацию одного характерного качества русского народного слова — его меткости. Примеров ее мы встречали достаточно. Действительно, частушка вся, в сущности, построена на метком подчеркивании какого-нибудь момента. Стоит наугад взять несколько частушек, в каждой из них есть какое-нибудь ударное слово.

Што сказали про милого: худенький да маленький:
В воскресенье видела — как цветочек аленький (З. 14).

Погляжу в стекольщико, де-ка сходит солнышко—
Солнце сходит на туман, мил играет на омман (З. 22).

С неба звездочка упала — я за пьяницу попала.
Люди бают пьяница, я жсиву красавица (З. 38)..

Каждая такая частушка имеет намек по чьему-нибудь адресу. Острота его часто скрыта в психологическом факте личных отношений. Она чувствительна только в самом живом моменте. А иногда ее меткость прорежется ярко, то язвительным эпитетом:

Не заносися, цвет опалый: не богатее вы нас;
Я прошла мимо окошка, а вы ели с редькой квас (Р. Яросл. г.).

Завлекательные глазки у теленка нашего... (Т. Яросл. г.).

Или сравнением:

Мои щечки как листочки, глазки — черный чернослив,
Погуляй со мною, милый, павсегда будешь счастлив.

Или контрастом:

Отдавали — хохотала, провожала — плакала,
Провожала — плакала, платочек укайдакала.

Или:

Ты, цветочек мой ерань, стой на оконечке, не вянь;
Ты заявишь, я полью; ты забудешь, я умру.

Остроумной метафорой:

Моя мила шилом шила, топором лапшу крошила,
Сквородником мела — рукodelьница была (В. Яросл. г.).

У меня милашка есть, шик по улице провесть:
У нее клошь в семи дырах, дредноуты на ногах (Р. Яросл. г.).

V. Демократизация поэтического творчества в частушке.

Фабрика дала ритм частушке, социальный кризис наполнил ее содержанием, традиция разбойниччьей песни придала ей хлесткость, скоморошья поэзия — веселость и меткость слова; но все это не объясняет одного факта — бесчисленного моря частушек, переливающихся из края в край. Откуда это половодье? Разгадка его — в все больше назревающей в массах потребности индивидуального творчества.

Характерная черта последнего полустолетия нашей истории — раскрепощение народной личности. Скidyваются одни за другими путы — социальные, культурные, бытовые, и, что всего важнее, ощущается сознание этого раскрепощения. Освобождающаяся личность испытывает радость личного существования и заявляет о себе творческими порывами. При всех научных усилиях вскрыть индивидуальные основы народной поэзии, в массе она все же остается безличной. Творчество было уделом избранничества. Рядовая же личность питалась общими чувствами, как в образованном обществе какая-нибудь модная книга или факт завладевал общим вниманием и интересом. Поэтому-то от старого времени в народной песне мы имеем столь законченные цельные художественные образцы в музыкальном и литературном смысле.

Наше время переставляет центр тяжести. Вместе с процессом освобождения, народная личность индивидуализуется и, ощущая, как в былые времена Владимир Мономах мировую разноликость, выражает свое я в виде самых разнообразных переживаний. Творчество демократизуется: от избранных оно переходит к обывателю. Ощущается потребность творить — излить свою душу, сказать о себе. Сейчас в деревне наблюдается какая-то повальная страсть — писанье стихов. Вот примеры этого наивного творчества:

Призывающий.

Братья, проснитесь от сна векового,
Сбросьте свою дремоту,
Возьмите вы в руки винтовки,
Скорей защитим мы свободу свою!

Скорей завоюем давайте свободу, скорее!
Мы сбросим буржуазное иго с себя, скорее!
Тогда мы будем приветствовать с свободой
Каждый друг друга себя.

(Молодая девушка, студентка 1-го курса рабфака Г-на,
едва грамотная, 1920 г.).

Мы с старухою вдвоем с ней кампанию ведем,
А старухи подста лет, одного уж глазу нет.
Все с лестофьки молилась да со мной и зговорилась:
Самогонку с ней варим, мы о пользе говорим.
Но пришлось беде случиться — нашей фирме провалиться:
Нас в милицию забрали, по пятойке тыщ содрали.
Вот теперь моя старуха поджимат на печьке брюхо.
Ох, друзья, за самагонку не мешало бы дать гонку,
Штук по сорок бы ввалить, мы не стали бы варить.

Райские основатели, яиц и масла собиратели,
Вкус вы поняли у поваров,
Почему не купите своих коров.
С маслом да с яйцами готовить любите,
Почему же за деньги не купите.

Из раю на прокорм муки не даете,
А остатки у граждан берете.
Делаете для многих смех,
Да граждан вводите в грех.

(Крестьянин Хвалынск. у., Сарат. губ.).

Творчество демократизуется. Внутренние движения, вслед за внешними раздражениями, ищут художественного, хотя бы наивного выражения. Один из самых легких способов — частушка. Частушка, это — можно сказать, исповедь текущей жизни нашей деревни. Девушки и парни наперебой рассказывают нам о себе в своих частушках — о всех своих интересах и житейских положениях. Можно бы дать интересную критику психологии и бытовой личности нашей молодежи по частушечным разговорам, так как частушки, в сущности, сплошной диалог молодых людей в разных вариациях. Сейчас же достаточно указать некоторые факты этой демократизации творчества в частушке, индивидуального выражения в ней личности.

Вряд ли можно передать все разнообразие оттенков этих переживаний. Остановимся на некоторых.

Часто частушка представляет простую деталь разговора: вопрос и ответ:

Не корите, девушки, не люба никаколько:
Один вечер походил ради скуки только (Е. 3).

Это как бы ответ на упреки.

Пойдем, подруженька, домой: буде, насидалася,
Мово миленка здесь нет, на ваших нагляделася (Е. 103).

Так просто.

— Уж ты, милая моя, куда конфекты спрятала?
— В сеникне на косяке, в голубом носовике.

Это вопрос и ответ

Исключительность этого индивидуального момента особенно выступает в будничности явлений, отмечаемых частушкой:

На тарелочке две вилочки, кусочек пирожка —
Пойду, выйду на крылечушко, попотчую дружка.

Или:

Я рябинушку ломала, со рябины пала кись,
Правой рученькой махала: приходи рябинку ись (Е. 37)

Такие будничные темы могут быть интересны только в индивидуальном ощущении.

Нечего и говорить, как разнообразны оттенки психических состояний. Тут и полнота личного чувства:

Мы с девочкою стояли, снег растаял до земли,
Раза три поцеловались: все цветочки расцвели.

И наивная интимность:

Шила милому кисет, вышли рукавицы —
Посмотрела, улыбнулась — эка мастерица!

И простодушная немудреность рассудка:

Ну, конечно, серцу грусно, ежли влюбишься в кого:
В один час влюбиться можно, расставаться каково?

И скромность желаний:

Экой миленький домочек, и крылечко на боку —
Я люблю и обожаю, кто не курит табаку

И обида:

Осердился — наплевать: у меня на смену пять,
Неужели из пяти покрасивей не найти?

Хорошо также этот индивидуальный момент выступает в отправном моменте творчества. Он очень часто идет от какого-нибудь привычного действия или явления.

Я стояла у ворот, мил спросил — который год...
— Совершенные лета и в любви не занята.

Или:

Я сидела на диване, вышивала платок Ване...

Или:

Голубал моя шаль, до чего милого жаль...
В огороде снегу много, не посадишь огурцов...
Чайник чистый, чай душистый, кипяченая вода...

Благодаря такой простоте и доступности индивидуального творчества через частушку, она становится необычайно популярной и заразительной. Она расширяется количественно и на много ступеней качественно. Частушка говорит о неиссякаемости народного творчества и обещает многие его возможности в будущем.

VI. Критика взглядов на происхождение частушек.

Частушка лишь в недавнее время стала предметом научного исследования. И все же разностороннего изучения ее у нас еще нет, равно и сколько-нибудь прочно обоснованных взглядов. Так же обстоит и с вопросом о происхождении частушки. Большинство высказанных суждений пытается установить ее отношение к старой народной песне, подчеркивая несамостоятельность ее происхождения. Эта мысль, с скептическим взглядом на частушку, резче всего выражена академиком А. И. Соболевским. По нему, «частушка не представляет новой народной поэзии. И прежде она была в употреблении и в хороводе, и на посиделках... Старые собиратели народных песен не обращали на нее внимания и не вносили еще в свои сборники, но частушка им была известна» («Литературн. Вестн.», т. 3, 299).

Поскольку в этом взгляде дается общее хронологическое указание, с ним отчасти можно согласиться. Этот взгляд даже можно расширить: раз мы имеем дело с простым четверостишием, обусловленным известным параллелизмом, размером и рифмой, мы с таким примитивом поэзии, естественно, должны встретиться и в старинном народном творчестве, и в современном. В этом смысле частушка почти рефлекс, самая простейшая форма поэтической мысли. Действительно, подобие ее мы найдем и в старинной греческой веснянке о ласточке, и в сербской загадке, и в разных плясовых вроде коломыйки, казачка, краковяка, и ввиду своей простоты частушечный тип четверостишия, таким образом, является широко распространенным. Но сила частушки не в том, что она не нова, что ее можно встретить среди старых песен. Эта связь с прошлым указана и нами, — только в другом отношении. Главное же в том, что частушка теперь разлилась столь широко, что она заполнила все, что ею вытеснены все другие виды народной поэзии. Игровое четверостишие стало излюбленной формой поэтической народной речи, и если раньше мы могли встречать его лишь отдельные обороты, то теперь это четверостишие сформировалось в специфический литературный прием, типичный в своем содержании и внешней форме. Этот специфический характер частушки освобождает ее от скептически-пренебрежительного отношения, что в ней ничего нового. Еще меньше можно считать частушку обрывками старых народных песен, как это думает акад. В. Перетц. Беспорно, что частушка вобрала в себя много из старого материала. Какое-нибудь яркое двустишие, вроде:

Ой, бил меня муж,
Колотил меня муж...

из сборника XVII века (Плач, «Песенник» 125), или четверостишие:

Мой муж нехорош, поехал на речку,
Дай Бог, там издох, поставила б свечку.

Или:

Продам юбку и бурнус,
Куплю милому картуз.
Твои серые глаза
Режут сердце без пожа...

(также из старинной песни), могли ассоциироваться с частушками. Такие песенки, равно как и многое из других скоморошьих мотивов, могли, несомненно, питать частушечную поэзию. Для известной части частушек можно наметить определенную литературную традицию. Но ясно, что сводить частушки к обрывкам старых песен нельзя. Мы тогда имели бы дело с искусственным механическим набором. Между тем, в общей массе частушки представляют целостное однородное содержание, говорящее о самобытном новом виде творчества. Лишь первое знакомство с частушкой могло дать повод, при небольшом материале, к столь опровергающему делу заключению. Нельзя также согласиться с близким к этому мнением Д. К. Зеленина. Он пишет: «В последние десятилетия народной жизни совершается крутой перелом: два современные поколения деревни, молодое и старое, живут в разных веках. И старая народная песня, раз только она не окаменела в предсмертных судорогах, стала «переворачиваться» на новую. Сокращение и распадение на части — вот главные симптомы такого «переворачивания». На этой почве явились коротенькие песенки.

По образцу их создавались и создаются новые экспромты. Благодаря сохранению в народе прежнего поэтического чутья и вкуса, эти экспромты создаются по старой схеме параллелизма: «образ — символ и его — объяснение бытовыми чертами как две необходимые части при помощи старых технических приемов (старые символы, отрицательные сравнения)» (Д. К. Зеленин, «Песни деревенской молодежи», 78 стр.). Что в современной деревне два поколения, резко обособленные — факт несомненный; но видеть в частушке одно механическое «переворачивание», приспособление старых технических приемов к формированию новой песни — взгляд, конечно, слишком упрощенный и узкий. Эти технические приемы все же не самое главное в частушке; для народной поэзии они вообще постоянны. Скорее можно видеть их важность в способах применения и в вариациях, и здесь, таким образом, находить ключ для выяснения своеобразия как особой формы поэзии. Главная же сила частушки — в ее широком потоке, залившем от края и до края всю нашу страну. Ее пенистые переливы с яркими блестками страстных, острых чувств — вот где живой нерв частушки.

Поэтому нельзя согласиться также с мнением Е. Н. Елеонской, что частушки есть результат как бы *увлечения*.

«Сравнительною новостью следует считать увлечение рассматриваемым песенным видом, — пишет она. — Повсеместное распевание частушек ясно говорит об этом увлечении, которое проявляется не только в повторении уже существующих, но и в составлении новых. Свобода менять постоянно содержание в пределах несложного размера и неболь-

шого объема может рассматриваться как одна из причин увлечения частушкой» («Сборник великорусских частушек», введение, 25 стр.). Верно затем отмечая простор широкого индивидуального выражения в частушках, Елеонская не права в своем основном взгляде. Суть частушки не в одной только моде или создавшемся увлечении известной литературной формой. Сама мода в ее необычайно широком разливе говорит скорее о каких-то подспудных силах, вызвавших ее к жизни. Это дает право отыскивать для частушки более глубокие источники, и не только в условиях современной действительности, но и далекого прошлого. В ней, как было изложено выше, прежде всего чувствуется злободневность во всей остроте и напряженности ее переживания. Обвеянная старыми скромошными и удалыми, разгульными мотивами, частушка гармонизована в ритме современного производственного темпа. Думается, эти черты гораздо правдивее вскрывают ее истинную сущность.

Сокращение цитат: Е.— Елеонская, Е. Н. «Сборник великорусских частушек»; З.— Зеленин, Д. К. «Песни деревенской молодежи»; Л.— Львов, «Новые песни»; Р.— Рыжакова, А., «Частушки» (рукопись); Т.— Титов, А., «Частушки», Яросл. губ. (рукопись).

СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС ОБЛОМОВЩИНЫ.

В. Переверзев.

Предлагаемая статья—отрывок из работы о Гончарове. В этой работе изучение писателя ведется в том же направлении, как и в ранее изданных моих работах о Достоевском и Гоголе. Я изучаю не творца, а творение; не биографию, а произведение. Я делаю это потому, что считаю необходимым для историка литературы итии всегда от литературных фактов прежде всего.

В литературном факте наименее интересным моментом я считаю его связь с авторской личностью и потому не ищу в творчестве отражения жизни писателя. Литературное явление—факт социальной жизни и раскрытие его смысла сводится к пониманию социальной природы этого факта.

Социальная природа литературного факта может и должна быть вскрыта средствами чисто литературного анализа и минимальным обращением к данным обществознания, ибо в структуре художественного произведения, в особенностях составляющих его элементов и выражается его социальная природа. Анализ этой структуры стоит в моих работах на переднем плане.

Основным структурным элементом художественного произведения является образ. Ткань романа складывается из сцепления живых образов. Задача литературного анализа заключается в том, чтобы понять природу образов и закон их сцепления.

Углубленный анализ образов, из которых складывается ткань гончаровских романов, показывает, что все творчество Гончарова в своем развитии и в своих достижениях сводится к осуществлению всех потенций, заложенных в одном стержневом образе. В своей работе я исследую социальную природу этого образа и прослеживаю логику его развития. Обломов в плане моей работы является моментом диалектического движения образа, обусловленного его социальной сущностью. Вот ряд общих соображений, которые я счел необходимым предпослать печатаемому здесь отрывку, посвященному анализу Обломова.

Смысл и содержание гончаровского творчества сводится к изображению эволюции буржуазной психики в период капиталистической